

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ

ИМЕНА НА ГРАНИТЕ

БРОНЗОВЫЙ СИРОТА

Здесь армии прошли. И отдымались вёрсты.
Не злитса вороньё на санитаров строй.
Трава стоит — жива, где положили роты
Сто тысяч лет своих — в песок земли чужой.

Холмы сырой земли черней смертельной раны.
И водка для живых, как смерть сама, крепка.
А земляничный дух не выбитой поляны
Амброзией летит к героям в облака.

Примяли русский чуб чужой песок и гравий.
В чужое небо взвод три залпа вбил, как клин,
И поспешил вперёд, как феникс многоглавый,
А на земле чужой остался русский сын.

Холмы земли свежей, чем кровь геройской раны.
И прячется звезда в тени скорбящих лип.
Но птицы, что летят в апостольские страны,
Садятся, чтобы взять щепоть святой земли.

ШЕЛЕХОВ Михаил Михайлович родился в 1954 г. в деревне Пешки Берёзовского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет, Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик, публицист, сценарист. Лауреат нескольких творческих премий. Автор ряда книг поэзии, а также повестей и романов. Живёт в Минске.

Тут юный спит герой. Как сказочная птица.
Прибалтики герой, не нужный нынче ей.
Так плачь и не молчи, небесная станица!
И Богу говори про всех его детей.

ИМЕНА

На высотах отчизны трава не трава —
Шрамы белые лютой войны.
То ли славы солдатской простые слова,
То ли слёзы ночной тишины.
Как влюблённые пальцы в пожатье одном,
На граните сплелись имена.
Полстраны заболит, чуть заденешь крылом,
И во всех отзовется война.

Долго в шрамах траве зеленеть и желтеть.
Но оденутся в снег имена.
Долго птице стесняться печали, как смерть,
Но наплачется вдоволь она.
И, читая фамилии в камне живых,
Будет до веку птица кружить
И считать, и считать, и считать для глухих,
Только мёртвым без просыпу жить.

Но однажды забьёт барабан под землёй,
И очнутся в могилах полки.
Соберутся весной мужики над сохой
И затеют клепать сошники.
И распашут отчизну навстречу корням,
И железное жито взойдёт.
Чтобы крепко стоять на камнях именам
Через все небеса напролёт.

ПОСЛЕДНИЙ СМОТР

Во тьму — товарняки на огненной метле.
Во тьму — фронтовики по тающей земле.
Прозрачнее мечты, багрянее любви.
Их тёмные черты — объял закат в крови.

А кровь моя стоит — не в силах удержать.
А кровь моя бежит — не в силах добежать.
Как факелы в руке немеркнувшей земли,
Уходят налегке — босые, как пришли.

Давно ушёл их вождь и генеральный штаб
На тот загробный смотр, на праздничный корабль.
Одна гроза на всех, один на всех приказ.
И генеральный смех, и блеск верховных глаз.

И всё прозрачней тень от уходящих спин
На мой весёлый день бросает тихий клин.
Трезвонят ордена на вековом ветру.
И дальняя война — на призрачном смотре.

НОЧНЫЕ ПОЛКИ

Полнолуние. Жуки не слышны.
По лопаткам ползут сквозняки.
На деревьях одежду войны
Шевелят батальонов штыки.

Вот проходят, чеканя шаги,
Как туман, не сминая травы,
Молодые в века старики,
Что навек перед Богом правы.

Молчаливые тени полков
Прошивает полуночный дождь.
И моя обмирает любовь...
Ты зачем за полками идёшь?

Прошивают их фары машин
И врубаются ветром в ряды.
Но прощают солдаты живым
И не ждут табака и воды.

На тяжёлой весенней земле,
На победном посмертном смотру
Я повинен в одном волшебстве —
Видеть старых солдат на ветру.

Как они, не сминая цветов,
Я хотел бы однажды пройти —
За спиною ночных стариков,
Что моложе своих двадцати.

ПОБЕДА

Дело было на седьмое ноября.
Почему-то не хотелось больше жить.
А на город, как чума, ползла заря
И готовилась под флагами ходить.

Надевала шаровары свои Русь,
Надевала свою юбочку Москва.
Мы прошли такой большой и сложный путь,
И могучи у брандспойтов рукава.

Как волнуется в пикетах молодёжь!
И куда её потащат старики.
У раскрашенной речугами пивной
Коротались незабвенные деньки.

Эта пена и горька, и солона.
Но под залпами салюта подшофе
Не забыть бы, как раздетая страна
Танцевала в 45-м в галифе.

И не брал её озноб или загул,
И была её головушка светла.
И никто её в участок не тянул,
Потому что она трезвою была.

Так была она, родимая, трезва,
Эта резаная, колотая кровь
От победы ни жива ни мертва.
Упаси Господь увидеть это вновь.

Я гляжу-гляжу на бедную страну
И на синие под глазом фонари.
Полюбить тебя? А если обману?
Разлюбить? Так не разлюбишь, хоть умри.

Шелковистая и бедная юдоль,
И копеечку не спросишь — зашибут.
И куда тебя твоя потащит боль,
И куда тебя родные поведут?

Распечатали мы на трое коней
Эту горечь, эту синюю крутель
И бредём, стучась башкой до лучших дней,
То в кремлёвскую, то в мурманскую ель.

Потому как нам на свете повезло.
Даже некому на кладбище сказать,
Как от трезвости дороги занесло,
Как от пьянства душит сердце благодать.

ЧЕТВЁРТАЯ ЗВЕЗДА

*Памяти каждого четвёртого
белоруса, погибшего во время
Великой Отечественной войны*

За околицей три столба.
Три дороги, как три судьбы.
И четвёртая есть судьба,
Но дороги нет до звезды.

Ветер носится к трём звездам,
А к четвёртой — не кошен путь.
Та звезда, будто Аз воздам! —
Ей попробуй в глаза взглянуть.

Те глаза — точно пули свист,
Те глаза, точно дым печей.
Поглядят — облетает лист.
В очи глянут — и ты ничей.

Но попробуй её найти,
Ту, четвёртую, в облаках —
Только месяцем ночь глядит
Да железная тьма в руках.

Ах, как плачет в ночи звезда
Тьмою умерших голосов!
Разрывается голова,
Крепнет ненавистью любовь.

Три дороги — моя любовь.
На четвёртой — моя печаль.
Я не стал бы самим собой
Без печали той по ночам.

Без разлуки той — на крови
И без плача — не дай вам Бог.
Бранный род мой, поклон прими.
Землю спас ты и в землю лёг.

За околицей — три столба.
Три столба — зелены дубки.
И четвёртая есть судьба.
Звёзды павшие — земляки.

НА ВОЙНЕ И... ПОСЛЕ

Подставка — ящик. Мальчик у станка,
Его отец — боец, стрелок на фронте,
И вся его надежда на сына...
У всех вот так, чью душу ни затроньте.

А на мальчишке дом, и мать больна...
А здесь бои, бои, и надо выжить...
А за спиной Москва уже видна,
И танки прут, чтоб из траншей нас выжать.

Я политрук. Мне слышать не впервой
Из писем строки, что в мороз прогреют.
Запомнилось: “Как трудно быть вдовой,
Поберегись и побеждай скорее”...

Мы вспоминаем, каждый о своём,
А при затишье даже юмор старый.
Но горек смех товарища с письмом,
Чья “половинка” стала сталеваром.

Казалось, горю нет уже конца.
Как им хватало и души, и силы...
У женщин, у детей того отца,
У них бы, уцелевших, вы спросили.

Но день пришёл, и после назовут
Его предвестником Победы нашей,
Когда впервые: “Гитлеру капут!” —
Сказал фашист матёрый, в плен попавший.

Про Сталинград, про Курск и про Орёл
Заговорили в мире все корпункты.
И в траурный сплетались ореол
Все сказанные Гитлеру “капуты”.

Фронты на запад к “логову” ведут,
А на восток, почти что без охраны,
Полки из тех, что “Гитлеру капут”...
И кто-то наш кричит им вслед: “Зер гут!
Отвоевались, драные бараны...”